

Максим Бухтеев

Телевизионные сказки



Максим Николаевич Бухтеев

Телевизионные сказки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8332455

ISBN 9785447401559

Аннотация

Данная книга состоит из юмористических статей, очерков и рассказов. Быт и нравы отечественного кино и телевидения. Зарисовки с натуры.

Содержание

Предисловие от автора	5
Рассказы про Семёнова	7
Один день из жизни Семёнова	7
Сюжет недели	20
Новенькая	37
Звёздный час Семёнова	47
Семёнов на халтуре	59
Семёнов и талант	70
Семёнов и начальник	83
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Телевизионные сказки

**Максим
Николаевич Бухтеев**

© Максим Николаевич Бухтеев, 2023

ISBN 978-5-4474-0155-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие от автора

Всем привет! Меня зовут Максим Бухтеев. Я телевизионный режиссёр и сценарист. Сейчас я работаю режиссёром на Первом канале, где делаю трейлеры к фильмам и сериалам. А ещё я написал эту книгу.

Даже дважды!

В первый раз я решил собрать все вместе свои рассказы про Семёнова. Это был персонаж, который вобрал в себя черты многих знакомых мне работников телевидения и кино. В нём есть даже кое-что от меня.

Но ещё в моём архиве накопилось много других маленьких рассказов, фельетонов, очерков, статей и даже рисунков. Часть из них размещалась на моём сайте tabuk.ru, что-то на других ресурсах и в печатных изданиях. А что-то ещё никто никогда не видел.

Отдельно их издавать как-то странно, но и просто оставлять в архиве мёртвым грузом не хочется. Поэтому я решил расширить первоначальное издание «Телевизионные сказки», включив в него другие мои работы, а также добавив иллюстрации и сценарии.

Про сценарии я бы хотел сказать особо. Я много пишу в самых разных форматах и жанрах, что-то ушло в эфир,

а что-то участвует в разных конкурсах и тендерах.

В итоге, у меня скопилось довольно много коротких смешных сценок, которые похожи по стилю и формату на мои рассказы и статьи. Вот я и подумал, а почему бы их тоже не включить в книгу отдельным разделом?

Таким образом, эта книга стала своеобразным отчётом об одной из сторон моей деятельности. Эта сторона посвящена тому, чтобы развлекать, поэтому я очень надеюсь, что данная книга поможет вам интересно провести время.

В добавок к этому, приобретая «Телевизионные сказки», вы помогаете моему образовательному проекту mabuk.ru – «Как сделать кино». Все средства пойдут на его поддержку.

Кстати, если вы купили первое издание, то напишите мне и я вышлю второе вам бесплатно.

Иллюстрации: ArtFanat, ARDEZEMER

Рассказы про Семёнова

Один день из жизни Семёнова



Семёнов чувствовал себя проституткой. Он, конечно, никогда не пробовал себя в этой роли, но чувство крайней похожести профессий ощущал всё больше. Наверное, он и сам толком не смог бы объяснить чем именно. Скорее всего, это ощущение родилось из воспоминаний о предыдущем Заказе. И чем дольше он ожидал Клиента, тем сильнее росла в нём уверенность что всё будет как в прошлый раз.

Прошлый раз длился двое суток и был заполнен дешёвым коньяком, глупым женским хихиканием и стоил триста условных единиц. Но самое главное, что Семёнову было стыдно за то, что он сделал. Стыдно за каждую из тридцати восьми минут этого, якобы, документального фильма. Он, конечно, долго не хотел себе в этом признаться, но факт есть факт. И то, что его заставили это сделать против воли, служило лишь слабым утешением.

В монтажной Семёнову было абсолютно нечем занять ожидание. Жаркое летнее солнце залило телецентр снаружи, но здесь внутри, где не было даже окон, ощущалось не лето и солнце, а только духота и скука.

Семёнов вспомнил про Администратора, или Хозяйку офиса, как ласково называли её в коллективе. Семёнова раздрали противоречивые чувства. С одной стороны он никак не мог отогнать мысли о кружевном бюстгальтере Администратора, а с другой он хорошо понимал, что придётся сейчас ей звонить по рабочему вопросу. Тот факт, что этот вопрос уже два часа как всё ещё нерабочий, никак не мог перевести

их отношения в приятную для Семёнова плоскость.

– Алё, это я. А где этот клиент-то? Мне скучно здесь... – закинул пробный шар Семёнов.

– Ой, сейчас, – в трубке повисла неловкая пауза.

Семёнов хотел было рассказать свежий анекдот, но по шуму в трубке понял, что там сейчас не до него. Слышалось какое-то сопение, шуршание бумаги и напористый бубнёж Начальника.

– Он сейчас подойдёт, – упруго шлёпнулась трубка.

– Мля, – сказал Семёнов, догадываясь, что откровенного разговора опять не получилось.

Через пять минут в двери появился Начальник. Он лоснился и был очень собой доволен.

– Ну чё, Лёх, скучаешь? – Начальник считал себя своим в доску парнем и гордился демократичным общением с подчинёнными.

– Да вот... Жёсткий диск пока чищу, – хотя в простое и не было его вины, признаваться в полном ничегонеделании

Семёнову почему-то не хотелось.

– Ха! Ну, это ты молодца! – хохотнул Начальник и погромыхал по направлению к бару.

Семёнов открыл монтажную программу и потыркал курсором в рабочее поле. Потом зажав две клавиши, перетащил видеоматериал в другую папку и быстро открыл его. Машина тут же зависла. Семёнов удовлетворённо хмыкнул – всё работало.

Пока он перегружал компьютер и наливал себе кофе, к нему пришёл Клиент. Семёнов радушно опрокинул себе кофе на брюки и приветливо хрюкнул. Клиент не впервые приходил к Семёнову. Семёнов был готов ко всему. Но то, что Клиент, как и Администратор, тоже был в полупрозрачной блузке, его удивило. Немного прояснило ситуацию то, что это был не сам Клиент, а лишь его Ассистентка.

– Лёша, – Семёнов отметил длинные красивые ноги Ассистентки.

– Марина, очень приятно, – улыбнулась Ассистентка, бросив взгляд на потёртые кроссовки Семёнова.

– Вот тут, значит, мы и монтируем, – метко заметил Семёнов, и знакомство состоялось.

Пока Семёнов разглядывал нижнюю часть спины Ассистентки, склонившейся над коробкой с кассетами, та весьма путано рассказывала, чем бы она хотела заняться с Семёновым. Так как Семёнов и так знал, чем они с ней сейчас займутся, это было ему неинтересно.

Кассет было много, а чтобы начать монтаж, это всё надо было вогнать в машину. Быстрее чем за смену не управишься. Работа муторная и банальная, поэтому Семёнов слушал Ассистентку вполуха, привычно отфильтровывая ключевые слова «это нужно сделать очень хорошо», «талантливый режиссёр», «серьёзный заказ», «срочно надо сдавать».

– Это очень важно, вы же понимаете? – тревожно хлопнула ресницами Ассистентка.

– Угу, конечно, – жизнерадостно заявил Семёнов, отметив про себя, что у Ассистентки вид сзади как раз в его вкусе.

Дальше всё было как обычно. Что и где находится на кассетах, знает только Режиссёр, потому что он снимал. А Режиссёра нет, потому что он очень занят где-то ещё. Семёнову это было тоже не слишком интересно. Ещё при первом взгляде на Ассистентку он начал догадываться, что она «не в курсе». Значит, придётся цифровать всё подряд. Барышня с такими ногами, бюстом и бёдрами просто не может быть «в теме».

Материал, который Семёнов начал вгонять в машину лишь подтвердил его худшие опасения. Это было нечто невразумительное, но маниакально уголовное. Какие-то серые милиционеры перемежались кадрами оперативной съёмки каких-то трупов. Потом пошли красочные виды какой-то тюрьмы.

– Фу, гадость какая, – поморщилась Ассистентка.

Когда на экране друг детства сексуального маньяка рассказывал, про то, как маньяк любил собирать марки, Семёнов убрал звук и погасил один из мониторов.

– Нет, ну зачем! Надо же смотреть! Как монтировать-то? – проявила ответственность Ассистентка.

– А сценарий есть? – ловко вывернулся Семёнов.

Он уже подозревал, что и сценария не было, но барышня сделала, как ей казалось – ход конём. Она вытащила кипу листов с расшифровками всех интервью.

– Вот, здесь всё! – торжествующе заключила она, победно глядя на Семёнова.

– Ну и что? Где, например, то, что сейчас цифруется? –

не сдавался он.

С решимостью любителя купания в проруби Ассистентка нырнула в кипу бумаг.

Её энтузиазма хватило минут на восемь...

Глядя на раздавленную его авторитетом жертву, Семёнов готовился уже проявить милосердие и перейти к главному, на его взгляд, событию в монтаже – непринуждённой беседе на отвлечённые темы.

Начать он намеревался с небольшого экскурса в собственную личную жизнь. Потому планировал перейти к формулированию общего закона родственности душ лиц противоположного пола.

Однако, в эти радужные мечты безжалостно вмешалась судьба в виде второго пришествия Начальника. Чтобы Начальник второй раз за смену появился в монтажной, такого Семёнов ещё не помнил!

Начальник лоснился ещё больше и был полон энергии.

– Мариночка, а я вас везде ищу! Что вы тут делает без меня? – излучая оптимизм и радушие, Начальник перешёл сразу к делу. Одной рукой ощупывая ягодицы Ассистентки, другой он потёрся о её грудь и по-отечески покровительственно одарил пачкой поцелуев.

«Профессионал», – завистливо подумал Семёнов, «на-

до бы и мне так... уже пора в начальники выбиваться как-то».

– Да мы тут цифруемся, – пискнула из объятий Начальника Ассистентка.

– А что тут цифровать-то!? Лёха у нас голова! Лучший сотрудник! Он и сам всё сделает. Пойдём лучше ко мне – надо обсудить кое-что, – шеф уже развернул барышню и настойчиво подталкивал её к выходу, повторяя как заклинание, – Лёха опытный и умный. Он сам всё сделает.

«Вот, гадина!», с досады Семёнову хотелось что-то сломать. Но всё, что можно сломать в монтажной, было Семёнову не по карману. Его скрутила депрессия. А на экране жена убийцы-маньяка рассказывала, как он по воскресеньям кормил голубей в парке.

С горя Семёнов тупо прослушал ещё пару мерзких историй из жизни извращенцев. На пятом трупe он сломался и полностью выключил звук с видео.

Надо было срочно искать комнату с Интернетом, чтобы развеять мрачные мысли. Но мрачные мысли развеялись сами, когда в дверях возник новый персонаж. Это был Продюсер.

Обычно появление Продюсера в монтажке – добрый знак.

Продюсер носит деньги и пресекает творчество, за которое ему же в конце концов платить. Монтаж сразу становится веселее, а матершина забористой. Режиссёры забиваются в угол, а Ассистенты разбегаются по ларькам за сигаретами. Потом Продюсера, если повезёт, можно ещё уговорить на совершение добрых дел таких как, например, ночной развоз или кормёжку.

Но сейчас явно был не тот случай. Семёнов это сразу понял, а потому заскучал и включил мониторы, чтобы было видно что «процесс идёт». На экране угрюмый маньяк в одиночной камере размышлял о смысле жизни.

Однако, Продюсера всё это мало интересовало. Он был потным и красным, что само по себе ещё полбеды. А вот в сочетании с запахом перегара и мутным взглядом, дела принимали совсем дурной оборот.

– Здравсьте, – завязал деловое знакомство Семёнов.

Продюсер взял себя в руки и икнул:

– Я военный... бывший... это... точность люблю поэтому.

У Семёнова засосало под ложечкой, а военный продолжил:

– Где эта с... м... Маринка? Нет ещё?! Дык я её... Сколько

сейчас времени?

– Четыре... Без четверти.

– Во! Без четверти! Значит я здесь в четыре! Пиши – монтажное время пошло!

«Вот тебе и помонтировал», тревожно подумал Семёнов. Тревожно запищал ГЦП – это кончилась кассета в магнитофоне.

– Так я здесь с десяти утра. А Марина пришла в двенадцать. Работа-то идёт, – пользуясь случаем, Семёнов передал привет затуманенному сознанию Продюсера.

– Твою мать... Я точность люблю! Сейчас четыре – время пошло! Я ж военный! Где Маринка?!

– Так ведь я тут с утра, – безнадёжно мямлил Семёнов набирая номер Начальника. Тот долго не брал трубку и Семёнову почему-то стало весело. Он представил себе, чем в этот момент занимается Начальник. Конец этого приятного занятия был неизбежен. Даже если не брать трубку, ситуация такая, что Семёнову всё равно пришлось бы идти его искать. Очевидно, Начальник тоже так подумал:

– Ну что ещё!? Без меня, мля, никак что ли? Я же деньги плачу! – сейчас играть в демократа шефу явно не хотелось. Но и Семёнов в данный момент тоже был не против роли «я человек маленький, ничего не знаю» :

– Тут Заказчик недоволен, – произнёс магическую формулу Семёнов и сделал контрольный выстрел, – Он платить не хочет!

Тем временем, Продюсер ворошил бумаги, принесённые Ассистенткой. Он безуспешно пытался сделать какой-то важный вид, но ничего, кроме вида пьяного в стельку мужика у него не получалось.

Как несвежий ветер ворвался в монтажную Начальник. Сзади семенила бледная от волнения Ассистентка.

Семёнов отключил себе слуховые рецепторы, чтобы не слышать очевидного. Он только безмолвно наблюдал как Начальник кидается на Продюсера, а тот попеременно хватается то за коробку с кассетами, то за Ассистентку. Потом Ассистентка заплакала, Начальник хотел её утешить, но потом раздумал и начал на неё орать, тыча пальцем между грудей.

Продюсер тоже орал, но тыкал пальцем уже в Начальника, попав, по пьяному делу пару раз в Семёнова. Семёнов на это так обиделся, что забыл последний раз заглянуть в разрез

блузки Ассистентки, перед тем, как она выскочила из монтажной.

Потом все выбежали из помещения, кроме Семёнова. Он бы тоже выбежал, но нельзя, потому что на работе. Понимая, что «шоу окончено», Семёнов аккуратно убрал рабочие инструменты в стол. Чашку с ложкой и пепельницу можно было оставить на виду, но вот сигареты и банку с кофе надо было убрать подальше.

Вернулся Начальник. Он выглядел устало и как-то помято:

– Ну ты это... Видишь как вышло-то. Что же ты не мог как-то....

– А что я-то? – сослался Семёнов на недостаток полномочий.

– Да ладно... В общем, смотри – скажешь жене моей про Маринку, я тебе морду набью. Понял?

– А что я-то? – замял тему Семёнов.

– Ладно, на вот... Сам понимаешь, – Начальник бросил на стол пятьдесят условных единиц и вышел.

Семёнов тупо пялился на смятую зелёную бумажку. Он

задумался о сумме которую могла бы заработать хорошая проститутка за шесть часов работы.

А потом, он решил вопрос который мучил его на протяжении всей рабочей смены. Он пришёл к окончательному выводу, что вырез блузки у Администратора гораздо глубже и интересней, чем у Ассистентки.

Ему стало гораздо легче. День был прожит не зря и Семёнов со спокойной совестью засобиравлся домой.

Сюжет недели



По длинному коридору телецентра к Семёнову мчался Продюсер. Он спешил наверстать время. Он только что был на летучке канала, где провёл пару незабываемых часов.

Незабываемых, потому что забывать было нечего. Обсуждались новые молодёжные «драйвовые» программы, запускаемые на канале. Они должны были быть яркими, радикальными и острыми, поэтому во время их обсуждения Продюсеру очень хотелось спать.

Сначала монотонная проповедь Генерального о «миссии канала». Потом скучный доклад начальника департамента производства программ. Всё это вгоняло слушателей в некое подобие летаргического сна.

Продюсер выходил из него лишь на мгновение, чтобы услышать очередное «в студии двое ведущих обсуждают проблемы...», «ведущая и гость обсуждают...», «известная артистка размышляет...».

Лишь один раз ему пришлось задержаться в реальность дольше обычного, когда ругались Арт-директор канала и Главреж. Это было громко и бессмысленно.

Всем присутствующим было понятно, что у Главрежа не было шансов. Он был мужчина, а Генеральному нравились крупные громкие женщины. Именно поэтому Генеральный и женился в своё время на Арт-директоре.

Вырвавшись с этого мероприятия, Продюсер рассекал спёртый воздух телецентра. Он думал о приятном. Он мечтал. Дело в том, что Продюсер очень хотел иметь продуктовый ларёк. Настоящий ларёк – с пивом, колбасой и дородной продавщицей блондинкой. Знающие люди говорили, что

это самое ценное вложение капитала. Сейчас вложить в пиво и колбасу, кроме души, было нечего. Надо было делать сюжет. Сюжет должен сделать Семёнов.

А Семёнов в это время боролся с собой. В отличие от Продюсера, у которого было одно, но пламенное желание, Семёнова, как более духовную личность, раздирало несколько. Он хотел пива, покурить и женщину. Причём женщину абстрактную, что вносило в набор желаний некоторую интригу. Ещё он хотел стукнуть по голове своего сменщика Серёгу, который установил на монтажный компьютер какую-то ерунду, тормозящую работу и выдающую кучу бессмысленных сообщений о ошибках.

Идиотизм этих сообщений напомнил Семёнову сюжет, который ему нужно было доделать. Семёнов нажал кнопку «Отмена» и безмятежно откинулся в кресле.

Как раз в этот момент в монтажную, подобно бронепоезду «Красный пролетарий», ворвался Продюсер.

Семёнову сразу расхотелось пива и женщину.

– Здорово, Лёха! – стараясь вложить в свой голос побольше позитива, буркнул Продюсер, а потом беззаботно, словно невзначай продолжил:

– Есть работёнка для тебя.

– Ну, привет, коли не шутишь, – Семёнову уже ничего не хотелось.

– Надо сделать сюжет. Он это... Как сказать...

– «Заказуха» что ли?

– На да, «Джинса». Сам понимаешь, – Продюсер, чтобы скрыть неловкость, стрельнул у Семёнова сигарету.

Семёнов понимающе кивнул:

– Опять этот твой жирный упырь?

– Он самый. А с ним ещё Депутат и два Bankира.

Семёнов почесал затылок. Дельце обещало быть непростым. Но Продюсера он уважал, поэтому сказал по-дружески:

– Да ну тебя в задницу!

Продюсер понял, что он пришёл в нужный момент. Семёнов явно скучал и нуждался в собеседнике:

– А я где, по-твоему? – он обвёл рукой вокруг, – Ты хоть когда-нибудь здесь убираешься?

Продюсер свалил в мусорное ведро стопку бумаг со стола.

– Вообще-то это был очень важный сценарий, – меланхолично заметил Семёнов. А потом, глядя как Продюсер мощным пинком отправляет под стол кассеты, продолжил – А это были исходные материалы одного очень важного фильма.

– Значит, это к тебе вчера приходил лысый Зануда? – сочувственно спросил Продюсер.

– Ага... Он, вообще-то, ничего мужик...

– Угу, только кретин конченный?

– Да, – с готовностью подтвердил Семёнов, – Идиот редкий, но у него есть Лексус.

Продюсер обиженно замолчал, а Семёнов, зная о тайной страсти Продюсера к продуктовым ларькам, не унимался:

– А ассистентки у него есть! Аж, две! Они ему кофе делали. И мне тоже! А ещё коньяк и...

– Ну ладно, ладно – ассистентки у меня есть. Будет тебе сегодня одна...

– Это какая? Та дура?

– Нет, другая. Ту я продал Редактору. Ему такие нравятся. Коллекционирует он их что ли? У него их уже три – коллективный разум какой-то. А себе я выторговал оператора.

– Петровича, надеюсь?

– Обижаетесь... Конечно!

Семёнов уважал этого Оператора за лаконичный стиль съёмки. Всё, что снимал Петрович, можно было ставить в монтаж практически без остатка. Да и в остатке-то оставались всяческие женские достоинства, снятые им мимоходом для себя и Семёнова. Поэтому очередную кассету от Петровича Семёнов ждал так, как ребёнок ждёт шоколадное яйцо с сюрпризом – никогда не знаешь что внутри.

Продюсер же ценил в Петровиче аккуратность и неприхотливость. Петрович всегда приезжал на работу на своей машине, захватывая по пути аппаратуру из телецентра, чем сэкономил продюсеру некоторое количество денежных знаков. Пустячок, а приятно!

Вот на этой радостной ноте Продюсер с Семёновым и приступили к монтажу. Собственно монтаж отступил пока на второй план. Рабочий ритуал предусматривал сначала перекур.

Неспешно стряхивая пепел на клавиатуру, Семёнов про-

слушал трогательную историю Продюсера о кратких мимолётных мгновениях, отведённых им на монтаж. До эфира оставалось всего полсмены. Потом, дружески беседуя на общечеловеческие темы, они сходили в ларёк за водой, сигаретами и кофе.

За чашкой свежеразведённого кофе Семёнов ловко перевёл тему на предстоящий монтаж. Продюсер поведал об основных проблемах, которые ему надо срочно решить за время монтажа. Во-первых, поругаться по телефону с автосервисом, во-вторых, занять у кого-то денег до завтра и, наконец, решить к какой из своих любовниц поехать вечером.

Семёнов от творческих планов такого масштаба слегка призадумался и, на всякий случай, перезагрузил компьютер. Пора было закладывать первую склейку.

Магнитофон бойко принимал и выплёвывал кассеты. Семёнов так же бойко стучал по клавишам подписывая, размечая и сортируя исходный материал. Продюсер, как капитан на мостике, дышал никотином в затылок Семёнову, махал руками и командовал:

– Так, лысого мужика отложи в мусор, здесь толстого ставь враскоряку. Эту тётку наматывай – она сейчас не нужна. Депутату режь конец! Эту помойку не бери, бери сарай – это их гордость, она пойдёт на финал.

Семёнов сноровисто втискивал, резал и растягивал Депу-

татов. Он только начал входить в азарт, когда его грубо оторвали от прекрасного:

– Этот дяденька просил написать в титрах его полную должность, а также учёную степень, – вдруг раздался сзади голосок Корреспондентки.

Продюсер подпрыгнул от неожиданности, а Семёнов чисто рефлекторно закурил, налил себе кофе и откатился в кресле от стола. Повисла неловкая тишина. Корреспондентка хихикнула и сделала загадочное лицо:

– Я тут, чтобы вам не мешать, постою тихонечко.

Продюсер бросил на неё взгляд, стараясь попасть выше груди, и разрядил обстановку:

– Алексей, знакомься, это Алёна, мой корреспондент.

– При... Здравствуйте, – застеснявшись торжественности момента, проямлил Семёнов.

Но тут Корреспондентка всё испортила. Разрушая налаживающиеся хрупкие взаимоотношения, она бестактно продолжила:

– Этот важный дяденька в очках сказал – надо написать, что он не только Депутат, но ещё Президент, Лауреат и Почётный член.

Она сунула под нос Семёнову маленький блокнотик с покемоном на обложке.

«Вот чёрт, а ведь она ничего, если снять с неё эти идиотские штаны», подумал Семёнов и тоскливо посмотрел на Продюсера. Тот подумал о том же и взял разговор в свои руки:

– Этому дяденьке надо написать, чтобы похудел, а то в экран не влезает, как и его титры. Почётный член точно не войдёт. Потом будем титры делать. Погуляй пока!

Корреспондентка обиделась и продемонстрировала им свой вид сзади. Брюки

ядовито-зелёного цвета вызывающе обтягивали её бёдра, подчёркивая суть претензий их обладательницы ко всему остальному миру.

Семёнов и продюсер намёк поняли, но продолжили работу. Обстановка накалялась. Однообразные видеофрагменты угнетающе действовали на зрительные нервы, а монотонные слова «героев» сюжета были похожи на звуковые галлюцинации.

Продюсера пробило на творчество:

– Склейку вправо! Вправо давай на три кадра! Три кадра, я сказал, кнопкотык несчастный! Кто ремесленник?! Я?! Режь здесь. Этого в расход! Впиндюривай тётку, крой её пафосом. Ничего без меня сделать не можешь! Куда мне пой-

ти? Да мы туда вместе пойдём, если не сдадим сюжет.

Пока продюсер в углу жадно пил воду из бутылки, Семёнов успел выкинуть из сюжета пять планов и половину интервью. Продюсер в горячке всё равно этого не заметит, а хронометраж нужно было спасать.

Продюсер догадывался о самоуправстве Семёнова, но ничего не сказал. Он с ужасом вспомнил, что сам забыл вставить два фрагмента из интервью Очень Важного Человека и не знал как теперь сказать про это Семёнову.

– Может быть ты пива хочешь, – вкрадчиво подступил он к щекотливому вопросу.

Семёнов насторожился, но от предложения пива размяк и был готов к компромиссам.

И тут опять всё опять испортила Корреспондентка:

– Надеюсь вы не забыли вставить Очень Важного Дядечку? Он хотел быть три раза в сюжете!

Семёнов злобно покосился на Продюсера. Тот развёл руками и неопределённо кивнул на Корреспондентку. Она сноровисто юркнула в дверной проём, оставив после себя мёртвую тишину. Было слышно, как с потолка падает внезапно сдохшая от неразделённой любви муха.

Продюсер, не глядя в глаза Семёнову, положил на край

стола кассету:

– Обойдётся он «три раза». Скажу ему, что по драматургии не проходит. Дескать, катарсис у нас в конце запланирован, вот он и будет финалом.

Семёнов промолчал, но снова сноровисто застучал клавишами. Потом довольно посмотрел на Продюсера:

– Всё!

– Что, вставил уже?

– Не. Машине кирдык! Зелёный канал отвалился, – Семёнов наслаждался местью.

Продюсер побледнел. Ниже пояса у него что-то печально звякнуло и завибрировало. В том, что он сел на свой мобильный как раз в тот момент, когда на него звонил Очень Важный Человек, было что-то символичное.

Проикав и отмямлив в трубку что-то, как ему казалось, бодрое и оптимистичное, Продюсер посмотрел на Семёнова. В этом взгляде был и гнев, и ужас вперемешку с неземным страданием, и мольба о милосердии.

На лице Семёнова блуждала идиотская улыбка и взгляд его выражал формулу мировой гармонии.

– И что теперь? – спросил Продюсер.

– А чё я-то? – ушёл от ответственности Семёнов, – Звони Техническому Директору.

– Как ему звонить? Куда!?

Технический Директор был очень опытным и авторитетным человеком. Поэтому найти его в течении рабочего дня не представлялось возможным. Продюсер знал об этом.

Ларёк с колбасой, таял как мираж в пустыне. Такой заказ, как этот, мог свалиться ещё не скоро. Нужно сдать сюжет сегодня или никогда. Событие, к которому он был приурочен, должно было состояться завтра утром. Продюсеру стало плохо и он вспомнил маму... Сначала свою, потом маму Семёнова и технического Директора.

– Ладно, не очкуй, – Семёнов покровительственно похлопал Продюсера по плечу, а потом ногой ударил по системному блоку. Картинка на мониторе мигнула и стала нормальной.

– Тебе сегодня везёт, – продолжил он, пригубив минеральной воды, – Шансов было пятьдесят на пятьдесят.

– А если бы не повезло?

– Всё сгорело бы. Когда плату засовывали, она в разъём не влезала – пришлось гнуть. Она теперь коротит иногда. Уже третью меняем. Каждый раз машина неделя простаивала.

Семёнов был собой очень доволен. Гордый своим героическим поведением, он развил целую теорию о несовершенстве мира и своём, Семёнова, важном месте в этом мире.

Продюсер молчал и нервно курил. Чтобы хоть как-то развеяться, он стряхнул пепел в кружку Семёнова. Тот, заметив диверсию, пить из кружки не стал, а лишь добавил пару витиеватых пассажей в своём обличительном монологе.

Каким-то образом в монтажной снова материализовалась Корреспондентка:

– Звонил Очень Важный Дядечка и просил обязательно вставить фрагмент, где он рассуждает о особом пути России и ещё это..., – она покопалась в недрах блокнота и продолжила, – О роли духовности в бизнесе!

Продюсер ничего не сказал. Он был в этот момент воплощением выдержки и спокойствия. Пытаясь испепелить Корреспондентку взглядом, он сжёг дотла лишь свою сигарету. Когда пепельный столбик с этой сигареты рухнул ему на брюки он, наконец, нашёлся что сказать:

– Дорогая Алёна, милое моё, воздушное создание. Дело в том, что этот пень мне уже раз десять сегодня звонил. А если ещё и ты мне будешь о нём напоминать, я кому-нибудь, что-нибудь точно вставлю и не один раз. И духовно, и особым путём!

Корреспондентка обиженно замолчала и демонстративно начала краситься, забившись в самый дальний угол.

Семёнов, поняв, что перерыв окончен, продолжил творить. Поле для творчества было шире, чем надо, примерно, в два раза. Из двадцати минут сюжета надо было выкинуть восемь. Но всё это было очень важно и нужно.

Продюсер ожесточённо ругался по телефону с автосервисом, Корреспондентка увеличивала объём ресниц, а Семёнов резал. Резал безжалостно, цинично и решительно.

Дело клонилось к вечеру, смена заканчивалась, а работа нет. Семёнова это бесило. Он кромсал всё беспощаднее.

Семёнову уже дважды звонил Редактор. Редактор ждал сюжет. Редактор нервничал, потому что чувствовал неуверенность в завтрашнем дне. Завтрашний день начинался с сюжета Продюсера.

Семёнов, выйдя на финишную прямую, держал хороший темп. Продюсер делал вид, что руководит и послал Корреспондентку за пивом. Она была рада помириться с Продюсе-

ром, но в последний момент не удержалась и напомнила про титры. Продюсер рывкнул и послал её ещё дальше – за сигаретами.

А потом были титры, цветокоррекция, графика, сгон на кассету и, наконец-то, пиво!

Семёнов был счастлив, потому что его утренняя мечта наконец-то исполнилась. Ему было хорошо.

Он любил Корреспондентку. Ведь она досидела с ними до конца и стойко отсмотрела готовый сюжет, заметив при этом две дырки, оставленные по горячке Семёновым.

Он любил Продюсера. Ведь он купил всем пива и обязательно довёз бы Семёнова до дома, если бы автосервис отдал ему машину.

Семёнов любил всех – Редактора, который согласился подождать сюжет ещё полчаса и Очень Важного Человека, переставшего наконец звонить в монтажную.

Окончательно же растрогал Семёнова технический Директор, мимоходом заглянувший к ним и участливо спросивший всё ли у них в порядке.

Сюжет был готов и мир был полон гармонии.

На следующее утро Семёнов чистил машину и думал плохо о бухгалтерии. Зарплату опять задерживали.

Когда Семёнов вспоминал, как же зовут симпатичную ры-

жую кассиршу, в монтажную медленно вошёл Продюсер.

На его челе лежала печать горьких раздумий. Он молча достал сигарету, неторопливо закурил и поудобнее расселся в кресле:

– Помнишь, Лёха, я тебе рассказывал о той блондинке, которую я отдал Редактору?

– О той дуре?

– Она не дура, она тупая сука. Прикинь, она неправильно общий хронометраж утреннего эфира посчитала. Мой сюжет слетел, – Продюсер впал в меланхолию. Он утешал себя философскими сентенциями и потому продолжил совершенно спокойно, – Не, ну ты представь, я поехал за деньгами в офис к этому хрычу, который сюжет заказывал. Там все собрались в кабинете. Депутат, два Банкира и этот... Лауреат, мать его... Включили телек. Я же им сказал, когда сюжет должен быть! Они в экран пялятся, а там что-то про эрозию шейки матки. Потом сюжет про пингвинов и о погоде. А они всё смотрят тупо. Уже Владивосток объявили, а они всё молчат и смотрят. Я всё понял и хотел сбежать, но они, сволочи, меня вперёд посадили и толстый меня своим брюхом припёр.

Продюсер замолчал, пуская в потолок кольца из сигаретного дыма. Семёнов решил проявить сочувствие:

– А дальше чего?

– Чего, чего... Не продюсер я им больше. Ничего они в искусстве не понимают. Морду что ли кому набить?

– А чего я-то?! – подстраховался Семёнов.

Продюсер ничего не ответил.

Башню телецентра ярко освещало утреннее солнце, где-то заливисто пела автосигнализация, а в коридоре слышался приближающийся топот. Кто-то бежал к Семёнову. Начался новый день.

Новенькая



Семёнов скучал.

Ему, конечно, было чем заняться. Но это были занятия, недостойные такой личности как Семёнов.

Например, надо было срочно доделать сюжет о предвы-

борной поездке депутата на места.

Это было слишком пошло. Все эти предвыборные места были похожи друг на друга, как и сами депутаты.

А в противоположном конце офиса скучала Новенькая. Первый день на работе давался с трудом.

Сначала получение пропуска и беседа с охранником, который здоровался таким тоном, что хотелось ответить ему «Сам дурак!». Потом поиск нужной комнаты и, самое главное, многочасовое ожидание руководящих указаний. Начальство задерживалось, поэтому весь офис находился в состоянии блаженной дремоты.

А Семёнова всё раздражало.

Во-первых, он забыл где оставил свою «восьмёрку». В принципе, мест, где он мог её оставить, было всего три. У телецентра в час пик был не такой уж большой выбор. Но где именно? У пожарного выезда, на тротуаре или под знаком «стоянка запрещена»?

Во-вторых, он поссорился со своей Танькой. Он не очень помнил деталей. Может быть, это она с ним поссорилась, а он с ней нет? Дело было утром. Семёнов ещё не проснулся, поэтому говорил и слушал с трудом. Танькин монолог он

помнил смутно, но по всему получалось, что дома ему сегодня делать нечего.

В-третьих, и это было самым главным – Семёнов никак не мог найти свою чашку для кофе. Он нервничал, подозревая интриги.

Можно было, конечно, взять любую другую. Но это был путь для слабых духом – это было слишком просто. Поэтому Семёнов сидел без кофе и мрачнел с каждой минутой.

А, тем временем, Новенькая активно входила в «курс дел».

Вхождение в курс дел заключалось в рассматривании наглядной агитации на стенах и чтение научно-популярной литературы. Как и во всяком офисе, на стенах висели всякие жизнеутверждающие лозунги, вроде, «шеф не спит, шеф размышляет» и шаманские заклинания, ускоряющие наступление пятницы.

А Семёнов внезапно возжаждал творчества и самореализации. Другими словами – он решил перекурить.

Перекурить можно было на лестничной площадке. Собственно, Семёнов, обычно курил прямо в монтажке. Это бы-

ло его негласной привилегией. Однако, сейчас он хотел общения.

А Новенькая, осматривая достопримечательности, дошла, наконец, до курилки.

На площадке лестнице былолюдно. Два Сисадмина, три Бухгалтерши и одна Новенькая.

Семёнову Новенькая сразу понравилась.

Она явно ничего не понимала в компьютерах и бухгалтерии. Ей, как и Семёнову было скучно и хотелось творить.

Семёнов первым завязал разговор, одолжив Новенькой зажигалку. Некоторое время он томно рассматривал свои кроссовки, собираясь с мыслями, а потом решительно продолжил разговор:

– Лёша!

– А я, Аня. Очень приятно, – Новенькая игриво запрыгнула на подоконник, – Я тут недавно и всех не знаю. А ты кто?

Врождённая интеллигентность не позволила Семёнову проявить себя рифмоплетом, и он решил блеснуть в другом качестве.

– Я тут главный... – решил напирать на скромность Семёнов, – Главный по монтажу. Ну, то есть по всей творческой части.

Увидев, как широко у Новенькой раскрываются глаза, он продолжил:

– Если там, например, сюжет, клип или передачу, то это всё ко мне.

– Ой, как интересно, – зашебетала Аня, – А я как раз тут корреспондентом хочу поработать. То есть, я, конечно, никогда корреспондентом не работала, но очень хочу. Всё это вот творчество... ну, презентации, корпоративы – очень люблю. Прямо, совсем люблю.

Но я тут первый день и всё никак не освоюсь.

В это время вниз по лестнице угрюмо скакал Начальник. Он только что приехал с совещания. Его распирало от эмоций. Увидев такой скопление подчинённых, он не удержался и решил поднять корпоративный дух:

– Раздолбай... Всех уволю. Если в этом квартале у нас цикл передач не примут, так и знайте, что никто денег не получит.

– Это наш Палыч, – снисходительно пояснил Семёнов, когда Начальник скрылся за дверью, – Он всегда не по делу

гудит. Что с него возьмёшь... А примут ли работу – от меня зависит.

– Не люблю таких. Уволю, уволю... Нельзя так в творческой профессии, – поддержала Семёнова Новенькая, – Я его боюсь. Он какой-то дикий и неадекватный. Даже не поздоровался.

Семёнов деловито пощёлкал кнопками мобильного телефона, демонстрируя Новенькой внушительный список контактов:

– Ничего. Держись меня – не пропадёшь. Я тут всех знаю.

Следующие несколько часов пронеслись для Семёнова незаметно. Его буквально тошнило знаниями, которыми он щедро делился с Аней.

Новенькая охотно впитывала мудрость, умело поддакивая и делая умное лицо в нужный момент.

Вообще-то, чувство нужного момента – было её сильной стороной. В те короткие промежутки времени, когда Семёнов отвлекался, она ловко выскакивала из монтажной.

Новенькая постепенно втягивалась в работу – нашла бесплатный автомат с кофе и журнал «Космополитен». Потом

познакомилась с секретаршей, администратором и трафик-менеджером. Это было легко, потому что все эти трое были одной и той же Ленкой.

А познакомившись с Ленкой, можно было считать, что знаешь весь офис. Уж кто-кто, а Ленка-то точно «была в теме».

Семёнов ревновал. Он первый открыл Новенькую и считал, что имеет на неё «право первого рабочего дня». Однако, ему трудно было разорваться между монтажной с депутатом и общей комнатой. Для Новенькой общая комната имела неоспоримое преимущество перед монтажной Семёнова. Там был диван, телевизор и последние сплетни про Начальника, любезно предоставленные Администратором.

Со своей стороны, Новенькая охотно делилась сведениями о своём прежнем начальнике.

Оказалось, что он очень похож на нынешнего – такой же козёл.

Однако, когда Семёнов обманом затаскивал Новенькую к себе в монтажку, он смог оторваться по полной. Он пообещал показать ей скандальные материалы, не пошедшие в эфир, а потом два часа рассказывал о таинствах прямой склейки. Аня ничего в этом не понимала, но вежливо спра-

шивала о каждой кнопочке на видеомагнитофоне.

«А ещё я ей покажу, как умею на фотках прыщи замазывать», мстительно подумал Семёнов, вспомнив о ссоре с Танькой.

В своих мечтах он уже показал Новенькой свой богатый список спецэффектов. Она согласилась покататься с ним по ночной Москве. Они вместе рассекали темноту на тюнингованной «восьмёрке» Семёнова. Он давал ей трогать нежную кожу на спортивном руле.

Внезапно дверь распахнулась и, приветливо хрюкнув, вошёл Палыч.

Потом Начальник почесал мобильником нос и перешёл к делу:

– Ха, Семёнов! Чё, опять облажался с эфирной кассетой? Уволю!!!

Семёнов понял, что Палыч в хорошем настроении, ведь в предложении не было матерных артиклей. Он ободрился, и решил поддержать разговор:

– Это не я!

– Знаю, что не ты. Это я так, для профилактики, – изво-

лило пошутить Начальство. А потом шутки кончились:

— Аня, а ты что здесь делаешь? Здесь пыльно! А ну, давай-ка ко мне, я тебя введу в курс дела.

Семёнов хотел было сказать, что он уже два часа, как инструктирует Новенькую, но не успел даже набрать воздуха для фразы. Новенькая с шефом уже исчезла в пучине телецентра.

Когда через несколько часов Семёнов оторвался от сюжета с депутатом, ему оставалось лишь грустно слоняться по коридорам телецентра. Он смотрел, как Новенькая с Начальником пошла пить кофе, потом у них на двоих была ленточка, планёрка, совещание...

Палыч махал руками, Новенькая смеялась и тоже что-то рассказывала. Несколько раз Семёнов пытался перехватить её в коридоре, но она отделялась парой фраз. Она очень торопилась. Теперь весь её рабочий день был расписан по минутам.

Начальство фонтанировало жизненно важной, для начинающего подчинённого информацией и Новенькая понимала, что ей, наверняка, придётся задержаться на работе допоздна.

Ведь Шеф обещал ей рассказать, как на одной презентации, один очень известный артист, рассказал ему про одного очень известного бизнесмена, что у того жена редкостная нимфоманка.

«Вот и освоилась,» – подумал Семёнов и заперся в монтажной. Он ещё раз просмотрел сюжет с депутатом. Ему было скучно и хотелось творить.

Он взял чёрный маркер и размашисто нарисовал непристойность на листке по технике пожарной безопасности.

В конце концов, каждая творческая личность по-своему ищет путь для самовыражения.

Звёздный час Семёнова



На монтаже популярной юмористической передачи «Икс-студия» было невесело. Точнее, когда кто-то пытался острить, всем становилось ещё хуже.

Режиссёр хмуро околачивал ногой коробку с кассетами,

автор сценария и, одновременно, Руководитель программы метался, как тигр в клетке. Семёнов же пребывал в философском расположении духа. Другими словами, он размышлял о финансировании Нового года. Финансов особо не было, поэтому оставалось только философствовать – это успокаивало.

Проблема была в том, что было нарушено святое правило любого монтажа – «Больше трёх в монтажной не собирать-ся».

Парадокс, но на съёмках все шутки выглядели очень смешными. Но чем смешнее на съёмках, тем хуже для монтажа. Как и в любом деле, при производстве передачи хорошо смеётся тот, кто смеётся последним. И вот сейчас-то всем было не до смеха.

Однако, каждый из участников монтажа был просто уверен, что надо лишь «сделать всё как надо» и сразу станет опять смешно.

«Делать как надо» должен был Семёнов. Он всё переделывал уже третий раз, но «как надо» всё не наступало. Мрачно и неотвратимо наступало совсем другое. На канале должен был наступить Новый год, а за Новый год на канале отвечала «Икс-студия».

Но то, что сейчас лежало перед Семёновым, никак нельзя было назвать каким-либо приличным словом.

Нет, конечно, там была Снегурочка, ёлка и пьяные, но для наступления Нового года на федеральном канале этого было явно недостаточно.

– А давайте на всём этом крупно титры поставим, – вдруг предложил Весёлый Соавтор, – Скажем, спонсор сегодняшней вечеринки – ларёк турецкой шаурмы на Савёловской.

Руководитель посмотрел на него с неприязнью и сделал контрпредложение:

– Лучше всё ускорить в два раза.

Все тактично молчали и Руководителя прорвало:

– А что вы тут все расселись! Я что – один должен всё это дерьмо разгрести! Всё вам не так, а сами нихера не делаете! Я смотрю, что вам всё уже пох...

– Да мы уже сколько раз предлагали. Это уже третий вариант. У нас монтажная смена уже позавчера закончилась, а мы всё переделываем. Тут лучше уже не будет. Ну, если только переснять всё по другому сценарию, – мрачно подметил Режиссёр.

– Ты чё несёшь! Сценарий тебе плохой?! – Руководитель, как творческая личность и главный автор передачи, просто захлебнулся от ярости.

Весёлый Соавтор, бросился грудью вперёд, как рефери на ринг:

– Ребят, ну вы чего кипятитесь. Сейчас всё сделаем. Давайте всё ускорим в три раза и будет смешно. Мы так в КВН пробовали – голоса такие смешные у всех получаются.

Семёнов гонял курсор по экрану.

– А давайте всё в розовый покрасим! – поучаствовал он в мозговом штурме.

Была ранняя весна, когда Танька вытащила Семёнова погулять по городу.

Они оставили машину где-то в переулках и пошли пешком.

Семёнов не знал, как себя вести, будучи пешеходом в весеннем городе, всего пугался и жмурился, как котёнок, у которого только что открылись глаза.

Танька, чтобы не пугать Семёнова непривычными ощу-

щениями, повела его в центр – туда, где много машин.

И вот там, посреди гигантской автомобильной пробки они неожиданно наткнулись на киноконцертный зал. Перед ним тоже была пробка, но уже из двуногих почитателей «Икс-студии».

Со смешанными чувствами Семёнов глядел на афишу. Здесь были все его старые знакомые.

Они натужно улыбались и тыкали конечностями в зрителья, словно умоляя купить билет.

В предновогодней монтажной кончалось кофе. Сигареты ещё были, а кофе оставалось всего две ложки. Именно их демонстративно всыпал в свою чашку Руководитель, намекая на непрофессионализм и халатность, проявленные остальными членами коллектива.

Режиссёр тоскливо поёжился и посмотрел на Семенова. Формально рабочий день уже давно закончился и Семёнов только пожал плечами, а Соавтор запустил пробный шар:

– Ну, так чего? Может, тогда всё замедлим? Все будут так сме-е-е-ешно разговаривать. Как эстонцы!

У Руководителя уже не было сил ходить. Силы для размышления оставили его ещё раньше, а вот силы материться ещё были. После монолога Руководителя, полного вековой начальственной мудрости, в монтажной наступила гнетущая тишина. Она прерывалась лишь вздохами Режиссёра и сопением Семёнова.

Семёнов думал. Он уже долгое время думал о передаче. Думал он о ней плохо. И чем дольше он ней думал – лучше не становилось. Тогда он подумал о наступающих выходных. Это тоже было невесело, потому что зарплату не платили уже второй месяц.

При таком раскладе, Новый год мог и не наступить. Поэтому Семёнов и сопел, стараясь вложить в это сопение всё свои претензии к мрачной действительности.

Соавтор, стараясь вызвать прилив креатива, наматывал круги по монтажной и, в конце концов, так размотал один из кругов, что выскочил в коридор. Руководитель, словно только этого и ждал – метнулся за ним.

Семёнов воспользовался моментом, решив проявить характер:

– Ну, это, давайте уже решайте что-то. Передача давно смонтирована. Чё тут править-то?

Пять раз уже всё пересматривали. Если материала нового

нет, то надо сливать на кассету так, как есть. Лучше-то уже не будет. Мне мама в детстве говорила, что от перемены мест слагаемых, сумма не меняется.

Режиссёр поморщился, как от зубной боли:

– Ну, видишь, чего тут происходит? Как тут сливать-то?

– Я, конечно, ни на что не намекаю, но смена уже кончилась. Я на этой неделе с вами уже на пятую переработку иду, – решил поставить вопрос ребром Семёнов.

– Ну, подожди чуть-чуть. Сейчас они что-то придумают.

– Ну что – вы что-нибудь придумали? – с этим вопросом вернулся в комнату Соавтор.

– Предлагаю всё покрасить синим, – немедленно отозвался Семёнов.

Танька неуверенно посмотрела на Семёнова. Семёнов был нестабилен – он попинал сугроб, а потом инстинкты потянули его к кассе:

– Пойдём глянем, сколько билеты на этот шабаш стоят. Я-то уже бесплатно на это насмотрелся. Интересно, сколько

с пролетариев дерут за посмеяться.

Протиснувшись сбоку через толпу фанатов, он посвистел немного от увиденного и бойким дельфином вынырнул из людского круговорота:

– Ничё себе, у них аппетиты! Петросян столько не зашибает!

– Ну, так он же, посмотри, тут почти каждый день выступает, а они всего два дня. Конечно, у них дороже, – пожалала плечами Танька.

А в монтажной уже запахло Новым годом – туда грузно впорхнул Руководитель. От него разило шампанским и коньяком. Он обвёл мутным глазом монтажку и к нему подскочил Режиссёр, задвигая его в смежную комнату. Момент для разговора был явно неподходящим, но другого выхода не было. Режиссёр зажмурился и на выдохе выпалил:

– Надо бы Лёхе деньги отдать. А то мы ещё за прошлый монтаж ему не отдали, а он с нами уже которые сутки сидит. Нехорошо получается.

Руководитель хрюкнул и резко наклонился вплотную к Режиссёру, словно готовясь укусить его в шею. Кроме за-

паху коньяка и шампанского Режиссёр уловил ещё и водочный перегар. Он понял, что дело плохо, но убегать уже было поздно.

– Ты чё, совсем обурел? – шипел, раздувая ноздри и вращая глазами, Руководитель, – Какие, нах, деньги? Нам канал не платит и Леха ничё не получит. Он и так слишком много получает. Мля... Передачу нормальную сделать не можете, а туда же...

– Причём тут Семёнов-то! По монтажу нет вопросов-то... А деньги ведь за рекламу вчера пришли. А ещё корпоратив был... Мы же обещали!

От ярости Руководитель подавился алкогольной отрыжкой. Подобно марсианским каналам, выступили на его лице синие прожилки:

– Это ты, мля, обещал, ты и плати! Ты же, я смотрю, самый умный! Но, слышь, ты – умник, твою мать... тебя НАШИ корпоративы и реклама не касается. Иди, вон кнопки тыкай. Будут деньги на монтаж – получите. А так – хер!

Описав широкий круг и спугнув с насиженного места Соавтора, Руководитель плюхнулся в кресло:

– Всё, мля.. Ща будем всё перемонтировать.

Семёнов вздрогнул:

– Но ведь сценарий был утверждён! Мы же начисто сделали!

– А я передумал. Всё будет по-другому. Так смешнее.

– Но это же на всю ночь работа! Уже третий раз подряд!

– А ты, что – хочешь халтуру в эфир пустить! Мы же на качество работаем! Выкидывай всё это нах...

Семёнов выбежал в туалет. У него немного тряслись руки. Режиссёр трусил сбоку:

– Лёха, ты только ничего такого не думай. Мы всё заплатим. И за переработку и за прошлое всё... Я тут всё записываю. Я сейчас с Петей говорил, он в курсе всего.

Семёнов дышал тяжело, но ровно. Он уже почти смирился с очередной ночной работой:

– Эх, надо было всё в зелёный покрасить...

Танька подпирала собой колонну, а Семёнов курил, когда к ним подбежала Корреспондентка, возникшая из ниоткуда. За ней угрюмо волочился оператор. Ему было жарко и хоте-

лось пива, но он был привязан к корреспондентке шнуром микрофона.

– Ой, а вы же на «Икс-студию»? Можете сказать пару слов? – защебетала Корреспондентка.

Танька вопросительно посмотрела на Семёнова. Он решил соответствовать:

– Ну, можем, если надо...

– Лёлик, включай мыльницу. Типа, мотор, – Корреспондентка захихикала и сунула Семёнову в рот микрофон, – Ну и как вам Икс-студия.

Семёнов понял, что это его звёздный час. Он закатил глаза в потолок, выпустил кольцо табачного дыма и покровительственно посмотрел на Корреспондентку:

– Хм... Икс-студия... Я работал с ними как-то в Новый год. Вся неделю по ночам сидел.

– Ну и как вам? – икнула Корреспондентка.

– Как, как... Полное дерьмо! Нифига не смешно! Да и денег у этих лузеров нет. Мне половину так и не заплатили.

Оператор хихикнул и чуть не уронил камеру. У Корре-

спондентки обмяк микрофон.

Семёнов же вышел из кадра с чувством выполненного долга и небрежно обхватил Таньку за талию.

– Пойдём что ли отсюда? Я знаю место, где можно на что-то более смешное посмотреть.

Семёнов на халтуре



Семёнов халтурил. Ему нужны были деньги на ремонт своей восьмёрки, которую покалечил мусоровоз.

Надо сказать, что восьмёрку Семёнова постоянно пресле-

довали разные транспортные средства. Причём, они её преследовали всегда рано утром во дворе, когда Семёнова спал и ничем не мог помочь своему четырёхколёсному другу.

Каждый раз его верная восьмёрка мешала кому-то проехать, припарковаться или развернуться. Результатом были оторванные бампера, вырванные зеркала и помятые крылья.

В этот раз Семёнов поставил машину там, где она, по его мнению, уже никому не могла помешать — в песочнице на детской площадке.

И вот сейчас Семёнов халтурил и думал, откуда на детской площадке взялся мусоровоз.

Халтура подвернулась хорошей. Семёнов был в монтажной один и ему никто не мешал. Когда никто не мешает, работать скучно и хочется побыстрее домой.

Семёнов делал сериал. Задача была нетрудная, ведь монтаж спокойный, сюжет неприхотливый, а игра актёров незамысловатая.

Семёнов расслабился и даже стал воспринимать одну из героинь сериала не только как «тупую овцу, которая всё время забывает свои реплики», а как женщину. Он благожелательно отметил, что она не всё время вываливается из кад-

ра, а иногда очень даже к месту закатывает глаза и ломает пальцы.

Хотя роль у актрисы была второстепенной – она играла служанку главной героини, но, во-первых, она старалась как могла, а во-вторых, была симпатичной. Для актрисы это несомненный плюс – как ни крути.

Спустя ещё некоторое время, Семёнов вынужден был даже признать, что она ему нравится. Он поймал себя на мысли, что больше обращает внимание на её глаза, а не на грудь и ноги.

Но всё хорошее быстро кончается, иногда даже толком не начавшись.

В это время за дверью раздалось хихикание и чудовищный грохот каблуков. Через мгновение всё это оказалось в монтажной у Семёнова.

Семёнов традиционно всегда задавал себе риторический вопрос, откуда продюсеры берут себе таких симпатичных ассистенток. Но в этот раз он не успел этого сделать – всё развивалось слишком стремительно.

– Хай! – в комнату по-американски деловито ввалился за-

рубежный консультант.

– Привет, это Американец и он хочет посмотреть последнюю серию, сделать правки и дать несколько советов – перевела Семёнову Ассистентка.

– Майкл! – продолжил Американец.

– Наши с ним уже все переругались. Он непонятно чего хочет. Послали к тебе. Ты человек новый – авось, разберёшься.

Ассистентка, поправила причёску, щёлкнула крышкой телефона и перешла на личности:

– А меня, кстати, Лиза зовут. Я ему и переводчик и гид.

– А я Лёша, – поддержал разговор Семёнов.

– Окей, – некстати влез Американец и деловито расположился за спиной у Семёнова.

Семёнов занервничал. Он не любил, когда чей-то взгляд упирался ему в спинной мозг.

Но дальше всё пошло как по маслу. Диалог культур кое-как налаживался.

Иностранец что-то нечленораздельно булькал, а Семёнов монтировал и беседовал с Ассистенткой. Она расположилась к нему боком, словно специально демонстрируя Семёнову свой профиль.

– А что, ты его и в столовку водила?

– Нет, конечно. У них своё питание. Что русскому хорошо, то американцу три дня поноса.

Американец утвердительно икнул. Переводчица отреагировала:

– Ну ты понял...

– Понять-то его немудрено, – кивнул головой Семёнов, вздохнул и укоротил сцену вдвое, выкинув фрагмент, где его любимая актриса красиво, но совершенно не к месту принимает особенно соблазнительную позу. Он сразу сообразил, что продюсер, хоть и мычит не по-русски, но в своём деле понимает. А что же тут непонятного, если дело ясное! Таким образом, Семёнов с Американцем быстро нашли общий язык.

Формально, Ассистентка была их общим языком. Но тут

всю свою силу проявляла поговорка «язык до Киева доведёт».... В данном случае, только в Киев он и вёл.

Семёнову приходилось полагаться только на интуицию и свои скромные познания в американском английском.

– О кей, мистер?! – Семёнов тыкнул пятернёй в экран монитора, объясняя заморскому гостю, что правая камера берёт общий план в то время, когда должна брать крупный. А поэтому, то, что делает в данный момент актриса, может быть понято зрителем только по выражению лица главного героя. Отсюда у него, Семёнова, нет другого выхода, кроме как показывать не то, что надо, а то, что есть.

– Идиоты! – на чистом русском согласился с Семёновым продюсер.

– У него с режиссёром разное понимание сверхзадачи. Отсюда и несовпадения ключевых точек мизансцены, – перевела Лиза.

Семёнов посмотрел на Ассистентку с уважением. Лиза посмотрела на Американца, а тот, в свою очередь на Семёнова.

Семёнов опять вздохнул и выкинул двухминутный кусок, где ничего не происходило, а все герои молча тупо пялились друг на друга. Особенно ему было жалко крупный план слу-

жанки, где камера заглядывала в глубокий вырез её платья.

По пометкам в сценарии, это была душераздирающая сцена, где «на лицах героев отображается нечеловеческая внутренняя борьба». Фактически же главный герой старательно и нечеловечески пучил глаза, а остальные, глядя на него, старались хотя бы не рассмеяться.

Потом последовали ещё правки, ещё и ещё... И когда Семёнов в очередной раз, под одобрительные возгласы Американца, укорачивал очередную нудную сцену, вдруг вмешалась Лиза:

– А вот это вы зря выкидываете!

– Переведи, – автоматически попросил Семёнов.

Американец разродился долгой тирадой. Семёнов промолчал и после опять вступила Ассистентка:

– Вечно он одно и тоже говорит. Заткнулся бы уже. Потом обратно всё ставить придётся. Режиссёр эту сцену два часа снимал. Так на операторов орал, что свет во всех туалетах дважды гас. Грозился, что лично весь монтаж проверять будет. Что-то ему в этой сцене особенно дорого.

Американец замахал руками, произнося какой-то пламенный монолог. Семёнов узнал много ругательств, знакомых

ему по фильмам... Было ясно, что он не одобряет творческих методов Режиссёра. Когда в тираде Американца уже стали встречаться и русские слова, Лиза зевнула:

– Ну его... То же мне, самый умный! Пусть как хочет делает, но я предупредила, – всё придётся назад менять.

Семёнову, по личным мотивам, самому нравилась эта сцена. Ведь в ней присутствовала служанка, которая бойко скакала перед камерой в одной ночной рубашке. Семёнов с удовлетворением отметил, что в этом актёрском этюде всё выглядело вполне натурально, выпукло и ярко.

Но, к сожалению, нужно было признать и правоту Американца. По сценарию, служанка только что куда-то уехала за город и целых три серии не должна была появляться на экране.

Семёнову было жалко симпатичную актрису, которую заставили почти полностью раздеться и неизвестно зачем прыгать перед кучей людей. Актриса был явно начинающей. У неё и слов-то почти не было.

Когда Американец отвлёкся, Семёнов пошёл на компромисс. Он слегка укоротил сцену и переставил её пораньше. Так это выглядело не совсем позорно.

А спустя полчаса, когда монтаж уже подходил к концу, случился творческий кризис. Творческий кризис ворвался в монтажную в виде Режиссёра.

Режиссёр был модный, то есть, молодой и лысый. Он смотрел на мир через жёлтые очки, носил сумку цвета хаки и на груди у него был большой британский флаг. Всё это давало ему основания быть недовольным пошлостью и серостью мира.

В данный момент, вся пошлость мира для него воплотилась в Американце. Они сходу начали ругаться, словно продолжали какой-то ранний спор.

Всё это было бы забавно, но Режиссёр несколько раз помянул недобрым словом искусство монтажа. Семёнов, в той части своей натуры, где он был художником, помрачнел. А как художник, он был натурой ранимой, поэтому вставил несколько реплик. В сценарии скандала, который составил для себя Режиссёр, эти «реплики из народа», не были предусмотрены. Он озадачился, но потом разозлился ещё больше, когда узнал про вырезанную сцену.

Семёнов как раз собирался объяснить, что он её просто переставил, когда в монтажную зашла Актриса. Причём, именно та, которая играла служанку.

Бывает и такое, хотя, вообще-то, актрисы редко бывают в монтажных. Ведь там странно пахнет и нет зеркал во весь рост.

Семёнов не успел ещё положить глаз на размер бюста Актрисы, как Режиссёр уверенно положил ей руку пониже талии:

– Испортили, всё испортили. Ну сколько раз говорил, чтобы ничего не трогали, если не понимают. Сколько можно их учить! Представляешь, они выкинули ту сцену! Вся кульминация к...

– Ну, Артурчик, – жеманно поджав губки, вдруг заговорил Актриса, – Ты же сам говорил, что в этой стране нет профессионалов!

Режиссёр, в поисках сочувствия, потискал правую ягодицу Актрисы:

– Знаешь, Лёля, когда я стажировался в Штатах, то мой друг Джереми... Ты же знаешь моего друга Джереми? Вот, всегда, когда я ему рассказываю, он всегда в шоке от этого совка.

Американца стошнило каким-то ругательством, а Режиссёр продолжил:

– Придётся завтра исправлять монтаж. Ни на кого нельзя положиться... Ну, кроме тебя. Ты отработала на все сто. Чтобы я без тебя делал!?

Режиссёр слизал с Актрисы помаду и они триумфально покинули помещение.

– Я же говорила, – удовлетворённо подвела итог Ассистентка.

Но все и без неё поняли, что уж кто-кто, а Актриса отработала «на все сто».

Американец неприязненно покосился на Лизу и выскочил из монтажной. Та тенью проследовала за ним.

Оставшись в одиночестве, Семёнов, задумчиво протёр монитор.

– А вот хрен тебе, завтра исправлять монтаж, – философски подвёл свой итог Семёнов, надёжно стирая из компьютера сцены со служанкой.

Семёнов и талант

Пашка был гением. Он знал, что он гений. От него это знали и все остальные, включая Семёнова. Семёнов был не против. Он был только за. Против он был лишь тогда, когда Пашка называл себя гением-дизайнером. Во всём остальном, возможно, Пашка и был гением – Семёнов не проверял. Ему было всё равно. Гений, так гений. Семёнову не привыкать. Вокруг него все люди были очень талантливые, способные или, на худой конец, просто креативные. Яблоку негде было упасть – везде гении! Поэтому всё падало на Семёнова.

Сегодня на него упал утренний эфир. Упал весь целиком. Вместе с ведущими, клипами, рубриками и Пашкой. Пашка прилагался к утреннему эфиру как модный аксессуар к блондинке.

По идее, он должен был делать графическое оформление эфира, но что он делал на самом деле, не знал никто. В данный момент Пашка сидел под столом – было видна только его задняя часть.

Некоторое время Семёнов пытался не обращать на это внимание – Пашка человек творческий и имеет право на причуды, но потом всё-таки спросил:

– Ты чё там делаешь?

– У тебя зарядка есть для телефона?

– Какого?

– Самсунга.

– Нет такого телефона. Открывашка для пива такая есть. Будильник... Всё что хочешь есть. А вот телефона такого нет.

– Сам дурак, – обиделся Пашка и презрительно дёрнул тем местом, где у всех порядочных животных должен быть хвост.

– Слушай, вылезай оттуда, а! Там у меня кабель идёт к компу. Сейчас коротнёшь ещё.

– Мне розетка нужна.

– А вот эти пять штук тебе не подходят? – царским жестом Семёнов смахнул на пол стопку бумаги и одноразовый стаканчик с кофе. Чтобы не портить театральный эффект, Семёнов плавно продолжил жест и упёр палец в кучу розеток на соседнем столе.

– Неа... К моей зарядке ни одна розетка не подходит.

А вот тут она отваливается и если развинтить и снять коробку...

– А ну вылазь оттуда, диверсант-любитель! – заорал Семёнов и стал тащить Пашку за свитер, – У меня ещё эфир не собран. Замкнёшь ещё тут всё!

Пашка вылез из-под стола. Он был грязный, но довольный. Ведь ему удалось обратить на себя внимание Семёнова.

– Ладно, пойду к девчонкам, – почесал он живот, глубоко скрытый под бесформенным пыльным свитером.

– Вали отсюда. Не доводи до греха.

– Кто тут о грехе? – ввалился в комнату Корреспондент светской хроники.

– Тебя только тут не хватало! – Семёнов был рад поболтать, отвлёкшись на пару минут от работы, – Да вот, Пашка хотел пожар устроить.

– Жареные факты для рейтинга хорошо. А когда будете грешить – меня позовите.

– Тебя позови... Это уже не грех, а содомия какая-то бу-

дет, – ловко выскочил из комнаты Пашка.

– Да ладно вам... Скучные какие..., – светский суслик сделал вид, что обиделся и бросился вслед за Пашкой.

Семёнов захихикал. Шутки на тему однополый любви всегда вгоняли Пашку в краску. Семёнов подождал пару минут, а потом вышел в общую комнату, чтобы посмотреть, как Роман совращает Пашку.

Но Пашку уже совратили. Он довольный сидел в углу в окружении трёх корреспонденток, пил виски Романа и глупо улыбался.

– Лёха, хочешь с нами? – Пашка радушно протянул Семёнову пластиковый стакан с виски. Виски было не его, поэтому он был так необычно щедр.

– Не, мне нельзя – у меня эфир.

– У всех эфир. Ромк, у тебя эфир? Вон и у Таньки с Ленкой эфир, – Пашка был настроен благодушно.

– У всех эфир, а у Юльки даже критические дни, – встрял Корреспондент, – Она злая сегодня и неприступная.

– Да пошёл ты! – поддержала разговор Редактор Юля, – Тоже мне, спаниель-оптимист нашёлся! У меня хронометраж не сходится. Должно быть в сумме два часа, а у меня программа выдаёт три рубля двенадцать копеек.

Семёнов вздохнул и стал продираться к Юльке. Чем дольше у неё что-то не сходится, тем дольше сидеть на работе Семёнову. Надо было принимать меры.

– Слушай, а ты плашки для титров сделал? – намекнул Пашке о работе Семёнов.

– А чё, у тебя же всё есть! Там цвет только изменить, но это можешь и ты подкрутить, – недоумевал Пашка, – Я же дизайнер, а не кнопкотык.

Семёнов не обиделся, но запомнил. Через полчаса, когда ему опять понадобились услуги Пашки, он уже не стал намекать, а поставил вопрос ребром – «или – или!». К сожалению, это вопрос так и повис на ребре, потому что Пашки в офисе нигде не было.

После опроса свидетелей и потерпевших, выяснилось, что следы Дизайнера теряются где-то в районе курилки. Семёнов не смог взять след дальше, поэтому ему пришлось просто перекурить и сделать всё самому.

Настроение у него начинало портиться. В соседней комнате репродуктором заливался Роман, развлекая Корреспонденток. Они смеялись, а потом, выпив и покрасневшись, сами рассказывали похабные анекдоты. При этом они по-женски смущались, понижая голос в самых неприличных местах, поэтому Семёнову из соседней комнаты было плохо слышно. Он мог разобрать только отдельные повизгивания. Они раздавались когда Корреспондент пытался щипать девочек. Когда попытка удавалась, то он сам радостно хрюкал и пыхтел, звонко шлёпая себя по ляжкам.

Семёнов отчаянно ревновал, ведь его женщина – Редактор Юля, принадлежащая ему по служебному праву, тоже принимала во всём этом активное участие, при этом совершенно забыв про Семёнова.

Когда Семёнов собрал очередной сюжет, он решил испортить коллегам праздник.

Ворвавшись, как ангел мести, в общую комнату, он, среди прочего, обнаружил там Пашку, который безмятежно курил, развалившись в кожаном кресле шефа.

– Пашка, чтоб тебя... Где финальные титры?! – Семёнов был страшен в гневе.

– А я откуда знаю, что там писать, – чтобы подчеркнуть абсурдность вопроса, Пашка лениво откатился на офисном стуле в другой конец комнаты.

– А кто должен знать! Вон, у Юльки спроси! – Семёнов решил по высшему разряду закатить сцену ревности.

– Ой! – испуганно пискнула Юля, – А я уже эти титры давно удалила из компьютера.

Семёнов поперхнулся и закашлял:

– Зачем ты их удалила? Ты же выпускающий редактор! Они только у тебя есть!

– Я думала, что они не нужны.

– А почему ты так думала!? У нас что – передача без титров теперь идёт?

От нехороших предчувствий, Семёнова захлестнуло отчаяние. Но что было хорошо в работе Семёнова, так это то, что все его нехорошие предчувствия сбывались сразу, не оставляя времени для душевных терзаний.

– Ну, так у тебя же самого есть старая версия! – сладко потянулся в кресле Пашка, – Я всё равно ничего сделать не смо-

гу, а тебе только переписать текст, подправить цвет, выровнять шрифт, изменить время и пересчитать эффект.

– А почему это ТЫ сделать не можешь? – уже зная ответ, тупо спросил Семёнов.

– А я тоже всё стёр уже. Это всё равно не для дизайнера дело. Никакого творчества. У меня в компе места мало, а это только зря лежит.

– Зря? Ну да, конечно, зря... – пытался иронизировать Семёнов. Но его уже никто не слушал. На Пашкином празднике жизни он был лишним.

– Юленька, – стараясь впрыснуть в общее веселье яда погуще, прошипел Семёнов, – Пойдём, подиктуешь мне что писать.

Редактор нехотя размяла ягодичы, которые свело от сидения на офисном стуле в позе «светская дама готова выпить ещё martini». Ей не хотелось идти с Семёновым, но деваться было некуда, ведь он использовал своё священное право эфирной ночи.

Дизайн штука хитрая. Хороший дизайн, вообще, часто незаметен, настолько он хорош. То же самое и с дизайнером.

ми.

Хотя Пашка ещё трижды забегал в монтажку Семёнова, сам Семёнов затруднился бы ответить о смысле этих перемещений.

Скорее всего, тут сказалось состояние Редактора, которую Семёнов из принципа не выпускал из монтажной. Юля сомлела от мартини и жары. В монтажной не было кондиционера, поэтому она развалилась в кресле, расстегнув блузку и положив ноги в модных брюках на стол. Высоко задранные ноги не слишком помогали переносить жару, но в комплекте с розовым бюстгальтером, выглядывающим из-под блузки, они помогали переносить скуку. К тому же, это зрелище привлекало в монтажную широкие массы трудящихся, придумывающих для визита самые идиотские поводы.

Первое время Семенова всё это забавляло, но когда время перевалило за полночь, эротические фантазии Семёнова приобрели нездоровый характер. В них самую активную роль стал играть начальник Семёнова – генеральный продюсер Палыч. Скоро надо было сдавать кассеты в эфирную аппаратную, а работы было ещё полно.

– Юль, ты бы хоть кассету с сюжетом про стрижку пуделей поискала... – безнадёжно проямлил он.

– А что я-то? – томно потянулась в кресле Юля.

Тут в монтажную снова ввалился Пашка и она оживилась:

– Пашк, так что ты там рассказывал про Ленку, чучело медведя и трусы? Мы с Ромкой тогда раньше из клуба ушли и всё пропустили.

Тут Семёнов взорвался:

– Сюжет про пуделей! Срочно! Иначе – эфира не будет! Я звоню Палычу и умываю руки!

Юля с Пашкой пулей выбежали из монтажной.

Минут десять Семёнов наслаждался триумфом, следя за их хаотичными перемещениями по офису. Кассета всё не находилась и Пашка выдохся первым. Сначала он, как игрушечная машинка на батарейках, уткнулся в стенку и так стоял некоторое время. Потом он сполз вниз и на полусогнутых ногах выскользнул из помещения, так, что Юля не заметила его исчезновения.

Юлиного усердия, ответственности и профессионализма хватило ещё минут на десять, но затем сдалась и она. Она робко заглянула в монтажку к Семёнову, предложив в знак признания поражения символ мира – еду:

– Лёшь, а ты печенья хочешь? А то тут осталось ещё...

– Что, нет кассеты? – Семёнов проявил благородство и не стал опускаться до глумления, хотя и принял положенную компенсацию.

– Мы искали, искали.... А что же теперь делать-то, Лёшь?

– Ничего не делать. Она, наверное, в том ящике за креслом. Там весь мусор, на который бумажки не оформлены, валяется. Кассета-то, небось, не подписана, да?

После этого инцидента в монтажной на некоторое время воцарился мир и спокойствие.

Все слишком устали, чтобы заниматься чем-то, кроме работы.

Даже Корреспондент Роман, заглянув в монтажную, понял, что на сегодня шоу закончилось и не стал дожидаться служебной машины, уехав своим ходом.

Тут в офисе снова появился Пашка. Он был бодр и весел. Шутил, напевал какую-то пошлятину, но был послан из монтажной в общую комнату, где и развлекался ровно до того момента, когда Семёнов и Юля доделали передачу.

Хорошее настроение не покидало Пашку даже в микроав-

тобусе, который развозил эфирную бригаду по домам. Развозила она всех по очереди и Пашку первым, потому что ему «по прямой, хотя и за город».

Пашка рассуждал о перспективах, о творческих планах и несправедливости, существующей в стране, по отношению к умным и талантливым людям. Намекал на множество самых выгодных предложений и возможную смену работы.

Редактор сонно поддакивала ему, потому что у неё не было другого выхода. Пашка сидел рядом с ней, тискал её коленку и теребил воротник пальто. Семёнов почти спал, уютно привалившись к молоденькой Корреспондентке, но мог думать только о том, что он удачно поменялся сменами и ему не надо быть завтра на работе. Сегодня они закончили делать передачу гораздо позже обычного и утром Семёнов был бы в невменяемом состоянии.

Потом машина остановилась, выпустив Пашку на волю, и это на мгновение вывело Семёнова из полубормочного состояния. Пашкина болтовня внезапно стихла.

Семёнов повернулся на другой бок, закутываясь поглубже в куртку.

– Да, Пашка-талант... Определённо, талант, – сонно про-

бормотал он.

Семёнов и начальник

Новый начальник Семёнову сразу не понравился. Худой и невысокий очкарик выглядел безобидно и даже мирно, однако, (и это Семёнов знал точно) именно такие пятиклассники могут больно пнуть между ног, если попробовать ответить им заслуженного подзатыльника.

Потом появились и более весомые факты, которые настаивали на Семёнове.

Во-первых, Новый начальник не был женщиной. Это в глазах Семёнова был минус. Семёнов хотел женщину.

Во-вторых, Новый начальник был новым. Старая офисная мудрость гласит, что каждый новый начальник хуже предыдущего, а народная поговорка подпевает ей, предпочитая знакомое зло загадочному сюрпризу.

Каждый начальник одновременно является и подчинённым. Эта чудовищная несправедливость отражается на душевном самочувствии любого шефа.

То, что у нового шефа самочувствие было не очень хорошим, всем стало заметно сразу.

Впервые Семёнов увидел Нового начальника на летучке, когда Генеральный представлял его коллективу. Тот скромно жался в углу, постоянно поправлял очки и теребил подол свитера домашней вязки. Потом Новому начальнику дали слово и он наговорил кучу комплиментов как компании, так и отделу во главе с Генеральным. Уже тогда Семёнов начал догадываться что «новый веник» (именно так прозвал начальника Пашка-дизайнер) не даст никому житья.

В первую неделю работы коллектив загрустил и трудовые показатели сразу упали. И если первый факт был очевиден всем, то второй был понятен лишь Новому начальнику, о чём он и сообщил всем на первом же общем собрании.

– Я люблю свою работу, – начал свой разнос Новый начальник, – люблю людей и руководить ими. Я требовательный, но справедливый, поэтому кому не нравится справедливость, тот может сразу уволиться.

Коллектив слушал молча, только Ассистентка Света тихонько всхлипывала. Возможно, она простудилась, а может быть, ей было жалко старого начальника. Старая офисная традиция требовала принесения ритуальной жертвы, а кто лучше всего подходит на роль жертвы, чем ассистентка бывшего руководителя?

– Я не буду никого увольнять и не планирую никаких ре-

прессий, – продолжал угрожать шеф. – Но все, кого я уволил, знали за что я их уволил.

Режиссёр Альберт Натанович меланхолично рисовал на бумажке фаллические символы, но Новому начальнику со стороны казалось, что он конспектирует его речь. Возможно, так и было – начальству виднее.

Потом Новый начальник перешёл к шуткам:

– Я человек добрый. Если кто чего хочет сказать, то сразу ко мне. Я не кусаюсь. Ну, если только в день зарплаты. А если кто хочет промолчать, то пусть молчит, я всё равно всё узнаю.

Семёнов засмеялся, ведь его больно ущипнул Дизайнер. С реакцией на шутку начальства нельзя опоздать – это может выглядеть неискренне, а любое начальство, как известно, любит честность и открытость во всём.

После пятиминутки юмора опять последовали угрозы, обвинения и прочие мероприятия, повышающие моральный дух и сплочённость творческого коллектива.

Семёнов верил в людей, но не в начальство. Именно по-

этому он, с одной стороны, был, убеждён, что рано или поздно он научится попадать окурком в урну, а с другой стороны, он был уверен, что начальство должно быть глупое и злое – это его естественное состояние, что и подчёркивает ещё одна русская пословица.

Поэтому он не удивился, когда Новый начальник начал рассылать всем письма с требованиями ежедневного отчёта по выполненной работе.

Семёнову приходилось вписывать туда много всяких ежедневных мелочей, отвлекающих от основной работы – титры, оцифровка, сгон на кассету, сброс на DVD. Отчёт получался большой. Семёнов и не подозревал, что он так много работает. Весь отдел также писал отчёты и грустил.

Новый начальник сделал вывод, что над ним издеваются.

Во-первых, потому что половины написанного он просто не понял, а спрашивать кого-либо, это нанести урон личному авторитету.

Во-вторых, всех этих бумажек было очень много, и он не успевал их читать. К тому же, бумажная работа – это не начальственно дело.

Тогда он заставил всех писать с утра ещё и индивидуальные планы на день. А читать все эти отчёты он поручил своей Ассистентке. Она понимала в этих бумажках ещё меньше начальника, поэтому сделала вывод, что весь отдел «страдает какой-то фигнёй», а лишь она только работает, так как именно ей всю эту «фигню» читать.

Семёнов был фаталистом. Начальство приходит и уходит, а работать-то кому-то надо.

Новый начальник уходил поздно, а приходил не всегда.

Вечером в городе пробки, поэтому Новый начальник не видел смысла уходить с работы в час пик. После его окончания, он обходил рабочие места в офисе и записывал тех, кто ушёл раньше него. Премии они не получают.

Смысла в том, чтобы приходить вовремя, Новый начальник тоже не находил. Он считал себя человеком творческим, а потому не был скован условностями. Однажды на летучке кто-то пошутил о том, что некоторых часто нет там, где есть работа. Шутка была смешная и все смеялись. Начальник тоже смеялся, а потом уволил шутника. Начальник любил пошутить сам.

Семёнову сначала было тоскливо, а потом полегчало. Он дружил с уволенным. Грустно, когда уволили друга, но то, что уволили его, а не тебя – это уже повод для радости.

Многие пытались найти в Новом начальнике что-то хорошее, но не Семёнов. Семёнов потерял веру в начальство.

Однажды, после очередного разноса, менеджер Оля мрачно заметила:

– Должны же мерзкие качества Упырь Валентиновича хоть чем-то компенсироваться! Вероятно, он адски хорош в постели.

– Да нет, чего там хорошего, – возразила ей продюсер Тамара.

Так как все, кроме неё знали, что она единственная из отдела, кто переспал с Новым начальником, то коллектив растерялся – смеяться ему, смутиться или развить тему. К счастью, Тамара, обладая чувствительностью и тактом бульдозера, не заметила повисшей неловкости и, забыв даже покраснеть, продолжила сама:

– Он раньше прекрасно продавал собачий корм. У него продажи были очень высокие. Его даже из офиса в Англии

хвалили и в рекламном ролике сняли. Там такие милые собачки были, и он сам гавкал очень смешно.

– Он и сейчас гавкает, но уже, видимо, не так смешно. Хотя, может, это мы чего-то не понимаем. Гавканье обычно для собак предназначено. Надо у целевой аудитории спросить, – корреспондент Роман бы, как всегда, бодр и весел. – У тебя, Тамара, есть какая-нибудь знакомая сучка на примете?

Тамара почему-то обиделась, а Семёнов задумался о Теории Большого взрыва. Ведь, если Вселенная расширяется, то он каждую секунду, хоть и ненамного, но отдаляется от Нового начальника.

Старинная русская поговорка, в которой говорящий просит высшие силы избавить его от барской любви, ровно как и от гнева, очень подходила Семёнову.

Семёнов любил диалектику, а вот она его нет. Любовь и гнев никак не уживались в его ранимой душе. С желудком было проще, чем с душой. Например, Семёнов любил покупать у метро шаурму, и как бы его желудок потом не ворчал – деваться было некуда, так как удовольствие от покупки и съедения шаурмы уже было получено.

С Новым начальником такой фокус не получался. Трудно злиться, когда тебя, вроде бы, хвалят. А как радоваться, когда, похвалив, заваливают работой, заставляя переделывать одно и то же? Когда же Новый начальник злился, то устраивал разнос, но непонятно кому. Первого подчинённого он ругал за то, чего тот не делал. Второго, за то, что сделал первый. А третьего ругал за дело, но, почему-то только в его отсутствие.

Семёнов как-то прочитал в одном глянцево-женском журнале, что чувство, которое он испытывал, называлось «когнитивным диссонансом». Название ему понравилось, но общего оптимизма не добавило.

– Дальше будет хуже, – обычно подводил итог Семёнов, беседуя с коллегами в курилке.

– Куда уж дальше, – соглашался с ним Дизайнер.

– Было бы это дальше, – поддерживал обычно Редактор. – Меня он вообще, наверное, скоро уволит.

– А ещё он импотент, – как ей казалось, ловко вворачивала Тамара. Новый начальник уже уволил её с должности своей любовницы и этот факт добавлял Тамаре либерализма

в суждениях.

Жизнь обычно полна сюрпризов. Иногда они даже приятные и тогда Семёнов их любил.

К сожалению, это случалось редко.

После официальной «коронации» Нового начальника, когда истёк его испытательный срок, всему отделу стало казаться, что наступили темные времена.

Начальник ходил весёлый, много шутил и делал загадочное, но умное лицо.

Все ожидали массовых увольнений и сокращения зарплат.

Поэтому, когда однажды на маленькой офисной кухне, штатный оптимист отдела – редактор Василий, стал проповедовать терпимость и веру в светлое будущее, его никто не понял.

– Тебе хорошо говорить, ты у этого упыря в любимчиках. Вы с ним на концерт и в буфет ходите, а мы с ним неформально по-человечески общаемся, только если в туалете пересечёмся, – проливая себе кофе на штаны, мрачно заметил Семёнов.

– Меня он тоже приглашал на концерт, но я не пошла, – подхватила Корреспондентка. – Тамарка говорит, что у него руки холодные и он ими постоянно что-то чешет, как себе, так и другим.

Василий таинственно заваривал себе чай и молчал.

Это был знак, но тогда его никто не расшифровал.

Семёнов вспомнил об этом разговоре только через пару дней, когда вдруг обнаружил, что уже некоторое время нет ежедневных летучек.

– Чего это вдруг? – поставил он вопрос ребром.

– У Валентиновича дела, – повернула этот вопрос в более удобную позу Ассистентка Нового начальника, – В офисе его нет.

– Ага, – озадаченно произнёс Семёнов.

Так же озадаченно говорили и все остальные, когда обнаруживали зияющую пустоту на том месте, где раньше находился рог изобилия инструкций, брифов и указаний.

Дело в том, что жизнь любого начальника полна невзгод

и трудностей. Мало ему собственного шефа-самодура и дебилов-подчинённых, так ведь и обычная деятельность – это сплошная мука. У любого начальника ОЧЕНЬ много дел. Автосервис, туристические фирмы и поликлиники – во все эти места срочно надо, как самому начальнику, так и его многочисленным родственникам, которых нужно встретить и проводить, положить и устроить, познакомить и свести.

Отпроситься с работы начальнику не у кого – ведь он же сам начальник. Поручить тоже никому ничего нельзя, ведь все только напортачат.

У любого начальника, кроме дел, ещё и куча подчинённых. Все они, как малые дети, не помогают, а лишь мешают глупыми вопросами. Это лишь на первый взгляд Ассистентка должна помогать, но разве она может, например, выбрать цвет нового джипа или наорать на бригаду гастарбайтеров, делающих ремонт в новой квартире? Приходится делать всё самому.

Вот и вертелся Новый начальник как белка в колесе.

Кроме этого, Новый начальник стал всё чаще уходить из отдела на переговоры, совещания и обеды. Эти занятия подорвали его здоровье и он стал болеть. Болел он часто и со знанием дела.

Поэтому летучки в отделе со временем становились всё короче и реже, письма всё лаконичней, а Новый начальник всё прозрачней.

Некоторые уже с трудом могли вспомнить столь дорогие для всей фирмы черты лица.

Всё это не могло остаться незамеченным в коллективе.

– Тихо как-то... Прямо даже поработать хочется, – заметил как-то Дизайнер.

– Ну, не то, чтобы так уж поработать, но что-то доброе я бы сделал. По крайней мере, сказал. – Корреспондент тоже был благодушен. – Могу тебя, Пашка, похвалить. Ты молодец и титры у тебя такие все гламурные – читай, не хочу! Хочешь, слева направо, хочешь, справа налево – всё равно красиво!

– Начальство – оно как дети. И те и другие особенно хороши, когда спят, – добавила Тамарка.

После таких вот жизнеутверждающих бесед, Семёнов окончательно утвердился во мнении, что он ошибался в начальнике.

– Хороший, однако, человек – наш Валентинович! – вынужден был признать Семёнов. – Хороший – как человек и как начальник. Сам живёт и другим работать не мешает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.